

0- 787264

На правах рукописи

Галкина Мария Юрьевна

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОЗЫ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2011

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского государственного областного университета.

Научный руководитель: Нэлли Михайловна Щедрина
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Николюкин Александр Николаевич,
доктор филологических наук

Летаева Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук

Ведущая организация: Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Защита состоится 10 февраля 2011 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению при
Московском государственном областном университете по адресу: 105005,
г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Московского государственного областного университета по адресу:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

Автореферат разослан «3» января 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Алпатова'.

Алпатова Т.А.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Поэт, писатель, философствующий публицист Борис Юлианович Поплавский (1903-1935) стал знаковой фигурой в истории эмигрантской литературы, своего рода эмблемой русского Монпарнаса 20-х – 30-х годов. Поиск новых форм субъективности, обостренный интерес к нравственным и религиозным вопросам, идея «героического погибания» — эти характерные черты творчества Б. Поплавского выражают эстетическую ориентацию младшего поколения эмигрантов, создавших особое направление, названное «парижской нотой» русской литературы.

Внимание к творческому наследию писателей, чьи литературные судьбы сформировались в эмиграции, вызвано переосмыслением роли так называемого «незамеченного поколения» в историко-литературном процессе. Имена представителей младоэмигрантской литературы стали неотъемлемой частью не только узкоспециализированных, справочно-энциклопедических трудов, но и учебных изданий двух последних десятилетий. Д. Кнут, А. Гингер, Л. Червинская, А. Штейгер, Б. Божнев, В. Смоленский, И. Одоевцева, С. Шаршун, И. Зданевич, Г. Газданов, В. Яновский, Н. Берберова, Ю. Фельзен перестают быть «второстепенными» литераторами на фоне писателей старшего поколения, свидетелей Серебряного века. Благодаря републикациям ранее неизданных в России произведений, архивной практике современных ученых, уплотняющимся хронологиям событий, биографическим расследованиям эмиграция первой волны предстает как сложное, многообразное явление культуры. Проясняются задачи и перспективы освоения этого богатого материала, возникает потребность не описательной, а более углубленной аналитической с ним работы, и предлагаемая диссертация постановкой определенных проблем по исследованию творчества Б. Поплавского представляет собой попытку осветить слабо очерченные грани феномена младоэмигрантской литературы.

Объект исследования — романы Б. Поплавского «Аполлон Безобразов», «Домой с небес».

Предмет исследования — проблема личности и ее художественное воплощение в романной дилогии Б. Поплавского.

Материал исследования включает романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» в нескольких редакциях, дневники писателя и письма, его статьи и доклады, лирику, а также критические отзывы и воспоминания о нем современников.

Степень разработанности темы. Изучение творчества Б. Поплавского началось за рубежом¹. Его поэзии посвящены монографии Елены Менегальдо, которая рассматривает поэтические образы Б. Поплавского, опираясь на положения эстетики Г. Башляра²; и Мауриции Калузио, которая анализирует влияние авангардного искусства³; а также диссертации В.М. Жердевой, О.С. Кочетковой и С.Н. Романа⁴. Исследования Д. Токарева собраны в книгу «“Между Индией и Гегелем”: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе»⁵. В контексте младемигрантской литературы произведениям Б. Поплавского уделено внимание в монографиях И.М. Каспэ, А.В. Леденева, Л. Ливака, С.Г. Семеновой⁶. Различные исследовательские подходы к художественной и

¹ *Karlinsky, Simon*. In Search of Boris Poplavsky: a Collage // *TriQuarterly*, 1973. — № 27. — P. 342-364; *Karlinsky S.* Surrealism in Twentieth-Century Russian Poetry: Churilin, Zabolotskii, Poplavskii // *Slavic Review*, 1967. — Vol. 26, № 4. — P. 605-617; *Karlinsky S.* The alien comet // Поплавский Б. Собрание сочинений. — Т. 1: Флаги. — Berkeley: Berkeley Slavic specialties, 1980. — P. VIII-XII (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Text. — Vol. 6); *Olcott, Anthony*. Boris Poplavsky: a forgotten poet. — Stanford: Stanford University, 1973; *Olcott A.* Poplavsky: the Heir Presumptive of Moniparnasse // *TriQuarterly*, 1973. — № 27. — P. 305-319; *Olcott A.* Poplavskij's Life // Поплавский Б. Собрание сочинений. — Т. 1: Флаги. — Berkeley, 1980. — P. XIII-XIX.

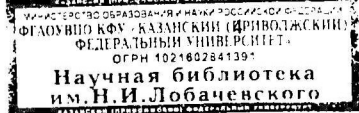
² *Menegaldo, Hélène*. L'univers imaginaire de Boris Poplavski: Doctorat d'État. — Paris: Nantière, 1981 (в русском переводе: Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. — СПб.: Алетейя, 2007).

³ *Caluzio, Maurizio*. Il paradiso degli amici. Sulla poetica di Boris Poplavskij. — Milano, 2008; второе дополненное издание: *Caluzio M.* Il paradiso degli amici: Per un'analisi della poetica di Boris Poplavskij / Nuova ed. aggiornata. — Milano, 2009.

⁴ *Жердева В.М.* Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции (Б. Поплавский, Г. Газданов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1999; *Кочеткова О.С.* Идейно-эстетические принципы «парижской ноты» и художественные поиски Бориса Поплавского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010; *Роман С.Н.* Пути воплощения религиозно-философских переживаний в поэзии Андрея Белого и Б.Ю. Поплавского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.

⁵ *Токарев Д.* «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. — М.: НЛО, 2011.

⁶ *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. — М.: НЛО, 2005. — С. 120-161 (см. также отдельную работу: *Каспэ И.* Омонимия и пересеченной местности: странная проза

документальной прозе писателя предложены в диссертационных работах Н.В. Андреевой, О.В. Латышко, Н.В. Летаевой, Н.И. Прохоровой, И.Е. Разиньковой⁷; в статьях Н. Барковской, Т.П. Буслаковой, Н.Ю. Грякаловой, Н.Б. Лапаевой, Л. Магаротто, Ю.В. Матвеевой, О.М. Орловой, Д. Рицци, М. Рубинс и других. С резкой критикой признания Б. Поплавского значимым литературно-философским явлением в истории русского зарубежья выступила Р. Гальцева⁸. Религиозно-философской проблематике творчества Б. Поплавского в большей или меньшей степени уделяют внимание почти все исследователи.

Особое значение для данной работы имеют рассмотрение романа «Аполлон Безобразов» в контексте западноевропейской литературы с целью выявления «тенденций, позволяющих говорить об общей духовной парадигме эпохи»⁹ в диссертации Н.В. Андреевой; панорамный обзор, осуществленный в диссертации Н.В. Летаевой «Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»; результаты анализа книги стихов Б. Поплавского «Флаги», полученные О.С. Кочетковой; тесная взаимосвязь творчества Б. Поплавского с французской культурой, продемонстрированная Д. Токаревым.

Бориса Поплавского // Новое литературное обозрение, 2001. — № 47. [Электронный ресурс]: сайт «Журнальный зал: Русский толстый журнал как эстетический феномен». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/kaspe.html> (дата обращения: 15.10.2005); *Леденев А.В.* Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. — М.—Ярославль, 2004. — С. 86-94, 121-132; *Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. — М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. — С. 571-588; *Livak, Leonid.* The Surrealist Adventure of Boris Poplavskii // Livak L. How it was done in Paris. Russian Émigré Literature and French Modernism. — Madison: The University of Wisconsin Press, 2003. — С. 45-89.

⁷ *Андреева Н.В.* Черты культуры XX в. в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. — М., 2000; *Латышко О.В.* Модель мира в романе Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов»: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1998; *Летаева Н.В.* Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003; *Прохорова Н.И.* Концепт «жизнотворчество» в художественной картине мира Б.Ю. Поплавского: Автореф. дис. ...канд. культурологических наук. — Саранск, 2007; *Разинькова И.Е.* Поэтика романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» в контексте прозы русской эмиграции рубежа 1920-х — 1930-х годов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Воронеж, 2009.

⁸ *Гальцева Р.* Они его за муки полюбили // Гальцева Р. Знаки эпохи. Философская полемика. — М.—СПб.: Летний сад, 2008. — С. 444-455. Впервые: Новый мир, 1997. — № 7. — С. 213-221. [Электронный ресурс]: Журнальный зал: Русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/7/tec02.html (дата обращения: 22.09.10).

⁹ *Андреева Н.В.* Черты культуры XX в. в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. — М., 2000. — С. 7.

Цель и задачи исследования. Романы «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», объединенные целенаправленной соотнесенностью героев, мотивов, повествовательных стратегий, не становились объектом исследования в своем концептуальном единстве, диалогичной спаянности, художественно-композиционной неразложимости. Преемственность этих двух произведений, способы воплощения идеи «написать одну “толую” мистическую книгу»¹⁰, последовательность эстетических авторских рассуждений требуют аналитического обоснования — что и стало целью диссертации. В задачи исследования входит:

- проанализировать персоналистическую проблематику романов;
- рассмотреть формы духовной жизни персонажей;
- определить способы индивидуации характеров в романе «Аполлон Безобразов»;
- проследить влияние идей Ф. Ницше и развитие «ставрогинской линии» русского романа в диалогии Б. Поплавского;
- реконструировать композиционный замысел незавершенной трилогии;
- рассмотреть субъектную структуру романов;
- выявить специфику эстетической объективации героя романа «Домой с небес».

Основной научной гипотезой исследования выступает предположение о том, что поэтика прозы Б. Поплавского обусловлена художественным осмыслением философской проблемы личности.

Теоретические и методологические основы исследования. Романы Б. Поплавского в зависимости от избранного целевого аспекта исследуются с ориентацией на филологический метод М.М. Бахтина, системно-субъектный метод Б.О. Кормана, структуральную поэтику Ю.М. Лотмана, координирующий подход В.Е. Хализева, а также «инструментальный»

¹⁰ Поплавский Б. Ответ на литературную анкету журнала «Числа» // Поплавский Б. Собрание сочинений: В 3 т. — Т. 3: Статьи. Дневники. Письма / Сост., коммент., подгот. текста А.Н. Богословского, Е. Менегальдо. — М.: Книжница: Русский путь; Согласие, 2009. — С. 101.

характер теоретической поэтики С.Н. Бройтмана, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпы.

В работе используются сравнительно-исторический, сравнительно-аналитический, историко-генетический, структурно-функциональный, системно-субъектный методы.

Результаты исследования и их научная новизна. Впервые формы мистической жизни героев проанализированы в рамках персоналистической проблематики. Эсхатологическая реальность романов Б. Поплавского представлена по аналогии со сменой мировоззренческих моделей античности и христианства. Выявлены такие повествовательные стратегии как апофатический способ объективации героя, пространственная инверсия полюсов «небо» — «дно», интегральный прием оксюморона. Композиционный замысел незавершенной трилогии реконструирован на основе сквозного мистериального сюжета, в основу которого положен сценарий инициации. Жанрово-родовой синкретизм романов Б. Поплавского рассмотрен путем выделения не биографического и не эссеистического, а лирического начала.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Романная диалогия Б. Поплавского посвящена проблеме взаимоотношений личности и сверхличностного начала — Божества. Метафора Б. Поплавского «роман с Богом» имеет *онтологический* смысл.

2. Художественное мышление Б. Поплавского формировалось в процессе эсхатологического прочтения философских идей поздней античности, христианизации философии Ф. Ницше, оригинального осмысления важнейшей в культуре XX века философской категории небытия.

3. Объективация героя романа «Домой с небес» посредством апофатических характеристик приводит не к аннигиляции, как полагал Н. Бердяев, а к *абсолютизации личности* в художественном мире Б. Поплавского.

4. В основе произведений лежит общая композиционная схема, смысловым центром которой является апокалипсический опыт отдельной личности — свидетельство трансцендентной субъектности человека.

5. Жанр романов Б. Поплавского (вместивший элементы эпоса, лирики и драмы) — наглядный пример родовой диффузии в литературе XX века. От «Аполлона Безобразова» к «Домой с небес» отчетливо прослеживается *тенденция к лиризации*, отраженная в изменении системы персонажей, природы сюжетного события, субъектной структуры.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации расширяют контекстуальное пространство младоэмигрантской литературы, дополняют представления о религиозно-философских взглядах Б. Поплавского и о структурных особенностях его романов.

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методов анализа неканонической поэтики (поэтики художественной модальности), в основу которых положен субъектный подход; имеет значение очередной опыт исследования синкретических форм прозы XX века и рассмотрение способов художественной проблематизации в философском романе. Полученные результаты стоит учитывать при изучении поэзии, художественной прозы, дневников и публицистики Б. Поплавского как явлений сопродных, проникнутых общей темой и имеющих общую лирическую доминанту.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее основные тезисы могут применяться при дальнейшем освоении эстетического потенциала русской эмигрантской литературы; при углубленном изучении философской проблематики творчества Б. Поплавского и более детальном исследовании поэтики его романов; при рассмотрении произведений Б. Поплавского в контексте культуры XX века. Выводы диссертационного исследования позволяют конкретизировать тематический диапазон и повествовательные стратегии романов

Б. Поплавского при разработке методических материалов и чтении курсов по истории русской литературы.

Апробация работы. Положения диссертации апробированы в статьях изданий: «Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» (2006, № 3; 2010, № 2), «Литературоведческий журнал» (2008, № 22); в докладах на международных и межвузовских научных конференциях: «Славянские литературы в контексте мировой» (Белорусский государственный университет, 2005); «Русское зарубежье — духовный и культурный феномен» (Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2006); Международная конференция молодых филологов (Тартуский университет, отделение русской и славянской филологии, кафедра русской филологии, 2007); «Феномен заглавия: Заглавие и интерпретация» (Редакция журнала Российского государственного гуманитарного университета «Вестник гуманитарной науки», РГГУ, 2007); «Русское литературоведение на современном этапе» (Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова, 2007); «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» (Кафедра русской литературы XX века МГОУ, 2007); «Научный потенциал XXI века» (Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2007); «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Волжский университет им. В.Н. Татищева (Институт), Тольятти, 2007); «Перспективы изучения истории культуры Российского Зарубежья» (Сектор истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологии, Москва, 2007); «Пушкин и мировая культура» (Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, 2009); «Русский Париж между двух мировых войн» (Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, Москва, 2010).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуются теоретико-методологические основы, научная новизна и практическая значимость диссертации.

Первая глава «Проблема личности: формы мистического опыта в романах Б. Поплавского» посвящена рассмотрению системы персонажей. Герой романа «Аполлон Безобразов», юный эмигрант Васенька, от лица которого ведется повествование, вовлечен в сообщество разнovidных «мистагогов». В пределах этого сообщества, в ситуации соотношения характеров, реализуется возможность сопоставления индивидуальных опытов общения с Божеством. Специфика взаимоотношений с Богом, определяющая своеобразие каждого характера в романе «Аполлон Безобразов», становится основным признаком подлинно индивидуального бытия Олега, героя романа «Демой с небес». Структура диалогии ориентирована на формирование образа «религиозного уникама» — личности, познаваемой в качестве мистического любовного субъекта.

Параграф **1.1. «Спор о персонализме Б. Поплавского»** представляет собой вводные замечания к теме главы и постановку вопросов, значимых для рассмотрения проблематики романной диалогии.

С началом выхода сборников «Числа» стали заметны и приняли публичный дискуссионный характер мировоззренческие расхождения между старшим и младшим поколениями русских эмигрантов. Георгий Федотов указывает на противостояние двух идеологических полюсов: «Борьба, которая ведется сейчас в мире за человеческий дух — это и есть борьба между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью. <...> И я боюсь — хоть и хотел бы ошибиться — что тема смерти оборачивается в «Числах» темой нирваны»¹¹. Николай Бердяев видел «главный дефект мироощущения

¹¹ Федотов Г. О смерти, культуре и «Числах» // Числа, 1930-1931. — Кн. 4. — С. 146.

и мирозерцания Б. Поппавского <...> в его имперсонализме»¹², т.е. неличностном, нирванном мировосприятии. Эти замечания очерчивают некую экзистенциальную, а не религиозную (содержательно сопряженную с религиозной, но не теологическую по сути) ситуацию, в основании которой лежит символическое понятие личности — поле, арена борьбы других символических понятий: бытия и ничто.

Спор «отцов» и «детей» о существовании и сущности личности (на языке философии предмет этого спора определяет термин «персонализм») отражен преимущественно в художественном дискурсе. В тот период на страницах «Чисел» формируется «парижская нота». Основным эстетическим кредо нового направления стало предельно честное, «документальное» выражение личных переживаний — искусство должно было имманентно усвоить повседневность, растворяющую частную жизнь, и таким образом свидетельствовать о ценности этой ежеминутно умирающей жизни (например, Б. Поппавский трагическую судьбу художника ставил выше его изобразительных способностей). Субъективности отводилась роль важнейшего художественного критерия. Идеей узаконивания порой неприглядного индивидуального перед объективно прекрасным «парижская нота» повлияла на литераторов разных творческих биографий, в условиях эмигрантского быта очевидным образом зависимых от *carte d'identité*, удостоверения личности.

В некотором смысле сторонники «парижской ноты» стремились выразить именно то, отсутствие чего диагностировали у них представители старшего поколения. Показательно, что много позже, в 1950-х годах, редактор «Чисел» Николай Оцуп предпримет попытку назвать литературное направление тех лет персонализмом, специально оговорив, что не вкладывает в это слово значение, которое закрепилось за ним в русской философской традиции¹³.

¹² Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б. Поппавского // Современные записки, 1939. — № 68. — С. 445.

¹³ Оцуп Н. Литературные очерки. — Париж, 1961. — С. 121-149.

Персонализм Н. Бердяева Б. Поплавский не только подвергает критической оценке, но и, если можно так выразиться, экспериментальной верификации. Проблема «Абсолют vs личность» лежит в основе идейного содержания его диалогии. Герой романа «Домой с небес», занятый поиском своей индивидуальности во взаимоотношениях с Богом, в любви, в творческом самовыражении (основные постулаты бердяевской концепции творческой личности), словно бы поддразнивает оппонента: «И, *entre nous*, — никакой личности все-таки нет, это все для мелкого удобства»¹⁴.

Взамен творческого персонализма Н. Бердяева Б. Поплавский предлагает свою «музыкальную» концепцию: «Если жизнь есть огромная и смертоносная симфония, каждая человеческая душа есть отдельный такт в ней, некая маленькая музыкальная фраза»¹⁵. Единственно достоверным свидетельством личности признается ее трагически осмысленное звучание-умирание в вечности.

Эсхатологический персонализм Б. Поплавского вдохновлен героическим пафосом доверия неочевидному благу мироустройства, трагическим соглашением, «тишайшим мистическим подвигом» человека, которому «следует не только простить богам, но и полюбить их»¹⁶. Внесение нравственного смысла в трагедию, в то же время, отличает подобное мировосприятие от французского экзистенциализма, сосредоточенного на ощущении бессмысленности, «абсурда» (А. Камю), «тошноты» (Ж.П. Сартр). В антропологии Б. Поплавского переживание «эфирной», испаряющейся индивидуальности актуализирует опыт априорно-трансцендентной субъектности человека.

Кризисное мироощущение передает характерная для прозы и поэзии Б. Поплавского проекция современности на период заката античной цивилизации. Примером может служить стихотворение «Стонцизм» (1930), в

¹⁴ Поплавский Б. Домой с небес // Поплавский Б. Собрание сочинений. В 3 т. — Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: Романы / Подготовка текста, коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. — М.: Согласие, 2000. — С. 399.

¹⁵ Поплавский Б. О согласии погибающего с духом музыки // Поплавский Б. Собр. сочин.: В 3 т. — Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. М.: Книжница; Русский путь; Согласие, 2009. — С. 26.

¹⁶ Поплавский Б. О согласии погибающего с духом музыки // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 3. — С. 27.

котором размеренность римской повседневности и освоенную фатальность мироустройства («мир сгорит») поэт разворачивает перед взглядом постороннего свидетеля — Христа. Так, наряду с языческим, возникает второй план — христианский, и понимание предопределенности трансформируется в ощущение обреченности, античный фатализм перетекает в христианский эсхатологизм.

«Отличие от старого декадентства, — писал Б. Поплавский, — то, что мы радостные, золотые. Умираем, радуясь, благословляя, улыбаясь. В гибели видя высшую удачу, высшее спасение»¹⁷. Спасение в погибании — эту *сотериологическую идею* стоит иметь в виду при изучении центрального образа романа «Аполлон Безобразов» и вообще мотивации творческого сознания русских монпарнасцев.

В параграфе 1.2. «*Мистика западного и восточного христианства в романе “Аполлон Безобразов”*» система персонажей рассматривается как особого рода конфигурация антагонистических взаимоотношений; дается контекстуальное обоснование противопоставления двух типов христианской мистики; анализируются специфические черты персонажа на фоне репрезентируемой им культурно-религиозной традиции.

В русской религиозно-философской среде противопоставление православной и католической мистики стало одним из способов обоснования аутентичности восточного христианства. Сравнивая св. Серафима Саровского и св. Терезу Испанскую, Н. Бердяев говорил о волевом, мужественном характере православия и чувственном, женственном характере католичества¹⁸. Схожие аналогии выстраивали и другие русские религиозные мыслители. Если иметь в виду, что в первоначальном варианте романа Б. Поплавского действовали два персонажа — Серафимов и Зевс, затем соединившиеся в один образ Тихона Богомилова, — станет ясно, что

¹⁷ Поплавский Б. Из дневников. 1928-1935 // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 3. — С. 415.

¹⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Приложение: Уточенная Фиваида // Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Сахар и К, 1997. — С. 237.

писатель исходил из уже сложившейся образной оппозиции: восточное христианство воплощено в мужском, западное — в женском образе.

Религиозный опыт героини Б. Поплавского отражает интимную близость Христа человеку. Такое восприятие божественного восходит к мистической традиции Богосупружества, получившей предельно широкое развитие в католицизме. Образ Веры-Терезы фон Блиценштиф писатель создавал, очевидно, под влиянием канонизации св. Терезы имени Младенца Иисуса (Маленькой Терезы из Лизье)¹⁹, но главной его задачей было передать тонкий и хрупкий мир кармелитской мистики вообще — мир *unio mystica*, единения души с Богом²⁰.

Отец героини, «истинный кальвинист», одержимый идеей божественного возмездия человечеству за грехи, противопоставлен мечтающей «искупить Люцифера» Терезе в пределах антитезы волевого индивидуального и безвольного «симфонического» начал — «духовная предопределенность» гармоничного растворения в Христе направляет Терезу от унифонического, индивидуализированного протестантизма к органному католицизму.

Другие черты западного христианства воплощены в образах священников монастыря, где воспитывалась Тереза. На фоне «добродушной веры» монашек в чертей серьезность оккультных практик отца Гильденбрандта напоминает об алхимических «склонностях» европейской культуры. Отец Гильденбрандт олицетворяет герметическую традицию католицизма. Сменивший его на должности аббата Роберт Лекорню, спортсмен и бойскаут, захвачен модернистскими идеями рационализированного устройства церкви, правда, интересы молодого

¹⁹ В 1925 году Тереза имени Младенца Иисуса была причислена к лику святых. За кротость и простоту нрава, совмещенных с твердостью духа, Маленькая Тереза обрела горячую любовь в среде русских эмигрантов, и в 1929 году католическая церковь провозгласила ее покровительницей России.

²⁰ Новый всплеск интереса к опыту *unio mystica* внесло движение *renouveau catholique*, развивающееся во Франции в 1920-х годах и благодаря своей ярко выраженной антропологической тенденции поддержанное не только церковными деятелями, но и французскими интеллектуалами, а также заметной реакцией русской диаспоры (о чем свидетельствует, например, создание Д. С. Мережковским циклов «Лица святых от Иисуса к нам», «Реформаторы», «Испанские мистики»).

священника слишком часто вступают в конфликт с догматической теологией, требующей большой дисциплинарной выдержки.

Еще один представитель европейского мистицизма в романе — исследователь «соответствия каббалы и Шеллинга-Гегеля» по прозвищу Аверозс. Этот персонаж, наделенный классической внешностью чернокнижника, продукт западной философии и ее средневековых истоков, в которых арабская экзегетика и иудейский талмудизм сплетаются с рационализмом схоластической традиции.

Характеристики русской веры закреплены в тихой «незловивой» вере матери Терезы, жалостливости Васеньки и наиболее полно — в национальных чертах образа Тихона Богомилова. Богатырские номинации этого образа (рыжебородый силач, «широкогрудый сектант Илья Муромец») связаны с сюжетной ролью персонажа: Богомилов неоднократно спасает героев из опасных ситуаций. Спокойствием, силой, уверенностью Тихон противопоставлен Терезе и Васеньке, привычкой брать на себя ответственность за других — Безобразову. Смирение Богомилова, если придавать вероисповедный смысл его фамилии, связано с признанием зла не акцидентальным, а субстанциальным свойством сотворенного мира²¹. И хотя автор романа дважды указывает на «православность» своего персонажа, речь идет не о конфессии, а, скорее, о национальной черте русской религиозности.

Образ Тихона Богомилова стоит вне семантического поля «церковность» и репрезентирует «лесное подвижничество». Его сектантство подчеркивает волевое, мужественное начало «природной христианской философии», противопоставленной светской духовной культуре.

Намеренно ломая простую ясность бытовой религиозности, автор наделяет персонажей определенного рода аномалиями: видения Терезы смущают католических священников, а увлечение Клоделем —

²¹ Дуализм богомильства (космогония двух начал: добра и зла) преемствен религиозно-нравственному аскетическому учению Маркиона — яркому гностическому явлению первых веков христианства. На Монпарнасе увлечение гностицизмом, в частности маркионизмом, было своего рода модой и порой даже служило причиной проявления неприязненного отношения к воцерковленной эмигрантской общественности (см.: *Варшавский В.* Незамеченное поколение. — Нальчик, 2007. — С. 294-296).

преподавателей Роберта: демократические взгляды отца Гильденбрандта имеют «несомненно еретическую протестантскую окраску»; Тихон Богомилов, человек «спокойной земляной веры», оказывается, читает гностические трактаты.

Асоциальность действующих лиц показывает, что личный мистический опыт в конечном итоге вступает в конфликт с той традицией, внутри которой он был подготовлен. Соединяя персонажей в одно сообщество, автор заостряет их индивидуализм, но выстраивает их образы не в форме статичной предельности характера, а скорее, как энергичную беспредельность личности.

Можно обозначить три ступени индивидуации характера в романах Б. Поплавского. Первая: идентификация с конкретной культурно-исторической религиозной традицией. Вторая: некое отклонение внутри этой традиции и утверждение уникальности каждого мистического опыта как единственно подлинного свидетельства личности — не «комбинация индивидуальных красок»²², а *индивидуальная религиозная интуиция* создает лицо личности. Третья ступень: сопоставление с характером другого действующего лица. Границы образа становятся различимы в «раю друзей», где маргинальных по натуре героев объединяет насущная потребность метафизической жизни вообще, потребность непременно состоять в каких-либо взаимоотношениях с Богом.

В параграфе 1.3. *«Аполлон Безобразов: мистика "Оно"»* рассматривается философская концепция Безобразова, генезис, идейная и функциональная роль героя в структуре незавершенной трилогии.

Аполлон наделен категорически отличным от других персонажей романа мировоззрением, в котором Божество не противопоставлено миру, как в христианстве, а слито с миром в тотальном синкретизме. Его космологическая система синтезирует различные представления об

²² Поплавский Б. Из дневников. 1928-1935 // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 3. — С. 450.

абсолютной самости, первоначальной причине всего (Атман, Эн-Соф, Дао, Первоединое, Абсолют).

Некоторые мотивы концепции Аполлона дублируют раннехристианский эзотерический гнозис, но основная идея этого гнозиса — Христос-Спаситель — исключена из учения Безобразова. Аполлон считает Христа либо слабаком, не сумевшим преодолеть детерминизм мира, либо мошенником. Отсюда пессимизм космологических и антропологических представлений героя: сотворение мира — случайность, как и сотворение человека. Мир — всего лишь иллюзия, сон Бога, и человек как субъект этого сна, в свою очередь грезящий о Боге, тоже иллюзорен.

Телеологический аспект этой космогонии заключается в том, что бытие принимается единственно как движение к заданной цели — к изначальному небытию, и весь, по сути дела, трагичный сценарий мира сводится к тотальному исчезновению, абсолютной онтологической аннигиляции.

Портрет и поведение героя обоснованы античными образцами: публичность души, способной к социальной мимикрии (актерство); публичность тела, перенявшего форму скульптурной завершенности (атлетизм); атаксия как проявление силы духа и суицидальное намерение как перспектива достойного завершения жизни — таковы особенности стоической доктрины и античного мирозерцания вообще. Однако глубокое проникновение Безобразова в греко-римскую метафизику приближает его к эллинистическому восприятию до определенного предела. Мировоззрение Аполлона пантеистично, но в нем нет свойственного античности исходного синтеза реального и идеального начал, поэтому живой, энергичный языческий пантеизм здесь приобретает вид онтологического нигилизма.

В контексте русского классического романа герой, противопоставленный всем прочим действующим лицам как фигура «люциферического одиночества», задает прочтение метафизики образа Николая Ставрогина в новых культурно-исторических условиях. Б. Поплавский исследует морфологию личности, дошедшей до самого

глубокого дна, меонического предела. Не мефистофелевское начало, а персонифицированный в Аполлоне Безобразове онтологический нигилизм лежит в основе идейного замысла романа.

Аполлона Безобразова характеризуют такие присущие образам Ф.М. Достоевского детали, как противоречивый портрет героя, наделенного исключительным опытом страдания и греха; меланхолическое отношение к смертельной опасности и попытка самоубийства чужими руками; закреплённость в пограничном состоянии, развивающая амбивалентную тенденцию к катастрофическому падению и покаянию, забвению и абсолютному оправданию.

Однако в отличие от истощённости, ужасающей пустоты Ставрогина, небытие Безобразова — осознанная экзистенциальная установка. Он отказывается от личного спасения как от малоинтересного доведённого к неубедительной концепции личного Бога, но когда пробует отказаться от жизни — выйти вон из музыки бытия — то терпит катастрофу. Так возникает главный идейный оксюморон романа — *трагедия несостоявшегося небытия*, и герой открывается в своём имплицитно жертвенном образе: гора, где не умирает Аполлон, приобретает значение Голгофы, а безобразность, безличность героя — значение кенозиса. Принятие небытия становится своеобразным подвигом, последней *via crucis* личности.

Развитая в публицистике Б. Поплавского мысль о героическом погибании его поколения и образ Аполлона Безобразова сформировались под влиянием философии Ф. Ницше, которого Б. Поплавский понимал как «одного из самых христианских писателей»²³. Автор наделяет Безобразова чертами Сверхчеловека, но не в духе имморализма известного героя Михаила Арцыбашева (Санина), а в духе стоического героизма «солнечного воина» А. Гингера. Как и лирический герой А. Гингера, Аполлон интуитивно солярный космос, а не частную жизнь, он презирает надежду и смеется над

²³ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 3. — С. 45

жалостью, считая, что страдание выдает слабость человека и его обиду на мир.

В романе актуализирована система метафор, задействованная Ф. Ницше для описания аполлинического и дионисийского начал. Аполлинизм Безобразова проявляется в солнечной образности, в сновидческом иллюзионизме, в пластике окаменения, в творческом визионерстве, в антимузыкальности. Скрытое дионисийское начало, предполагающее жертвенный смысл не-гибели Аполлона, активизирует идею его потенциального возрождения (эту особенность стоит рассматривать как момент модификации ставрогинской парадигмы в образе героя Б. Поплавского)²⁴.

В художественном пространстве диалогии он выполняет медиативную функцию, выступая проводником героя духовного поиска. Встречу и прощание Васеньки с Аполлоном в первом романе маркирует инвариант границы — мост (своеобразный ответ автора на призыв Ницше «Иди через мост»); в начале второго романа Олег едет с Безобразовым в поезде, а в финале слышит его «прекрасно-спокойный голос» под Триумфальной аркой — тоже маркеры пространственно-временной границы, преодолевая которую герой оказывается в очередной биографической полосе.

Самого Безобразова автор подвергает испытаниям для того только, чтобы оставить неизменным «героя без единого приключения». Автор вкладывает в структуру сюжета экспрессивное значение: «внебытийность» Аполлона, с одной стороны, наделяет его безграничным авантурным потенциалом, с другой — лишает возможности его проявления. За счет развития повествовательной формы от романа к романному комплексу повышается интенциональность образа: Аполлон Безобразов как «прекрасная идея чистой возможности» есть мистериальная тайна, потенциальная эпифания.

²⁴ Показательно, что сознание необходимости падения и дальнейшего воскрешения Василий Яновский назвал «стилем» младоиммигрантской культуры. См.: Яновский В. Необыкновенное десятилетие (интервью) // Антология Гнозиса. Современная русская и американская проза, поэзия, живопись, графика и фотографии. — СПб.: Медуза, 1994. — Т. 1. — С. 333-334.

В параграфе *1.4. «Мистический опыт героя романа “Домой с небес”»* специфика взаимоотношений Олега с Божеством определяется посредством противопоставления его мистического опыта имперсональному опыту Аполлона Безобразова; исследуется антиномизм образа Олега; раскрываются способы объективации героя.

Благодаря аскезе, физическим тренировкам, чтению универсалистов (Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана) Олег перенял многие качества Аполлона, но его мистические эксперименты имеют противоположное безобразовскому направление: Безобразов отрицает существование личности и устремлен к небытию; Олег исследует пределы своей индивидуальности и жаждет личной жизни. Его путешествие «домой с небес» вызвано желанием улизнуть от Бога, Его абсолютизма, пожить индивидуально. Однако оказывается, что вне личных отношений с Богом, нет и личности — ее лик растворяют «души» разных биографических периодов, разных опытов взаимоотношений с женщинами и друзьями, разных впечатлений и состояний. Поэтому возникает еще более настоятельная потребность установить с Богом личные взаимоотношения — происходит переосмысление темы Богосупружества как «дружеских» и «половых» отношений с Богом.

Поскольку в феноменальном мире дистанция, отделяющая «я» от аутентичности, непреодолима, то «мужественное», «героическое», «античное», «стоическое», «люциферическое» одиночество — отчужденность от бытия, в том числе и от своей индивидуальности — становится для героя не только единственно возможной формой метафизического существования, но и единственно религиозно оправданной.

Медитативная практика Олега обращения в Ничто решительно отличается от безличной мистики Безобразова и, скорее, восходит к христианской апофатической традиции. И то и другое имеет в своей основе интуицию абсолютной самости. Но если Аполлону важно приобщиться к становлению трансцендентного «Оно», открыть себя как момент всеобщих

изменений, то Олега автор наделяет таким типом религиозного созерцания, в котором происходит *диалог мистических субъектов* — мистическая встреча «лицом к лицу» с Богом. «Портреты» этих субъектов выдают их имманентное взаимосовпадение в художественном мире Б. Поплавского.

В отличие от других персонажей диалогии Олег не имеет объективированной, вынесенной вовне, душевной и телесной формы. Здесь, в настоящем, внутренний мир героя принципиально безграничен. Его попытка обрисовать свои «прошлые» души только обостряет вопрос «где же я подлинный?» и выталкивает из времени в космическую безмерность. Наружность героя тоже дана не в живописно-пластическом выражении, а в восприятии самого Олега, в переживании своего тела изнутри. При этом все повествование сосредоточено на напряженном всматривании в героя, на интенсивном наблюдении за его не останавливающейся метаморфозой и на поиске смыслового ядра его личности.

Временная и пространственная аморфность героя — симптом *абсолютизации личности в художественном мире Б. Поплавского*. Образ Олега складывается из набора апофатических характеристик, и последовательно применяемая поэтика оксюморона приводит к имплозии Абсолюта в личность.

Подобно тому, как Бог, раскрывшись Олегу в «огненном водопаде мирового бывания», пронизывает всю его частную жизнь (потому «нет души, нет личности, нет “я”, нет моего»), личность самого героя благодаря апофатическому усилию автора пронизывает всю ткань художественного повествования. Необъятная, незавершимая, становящаяся личность включает в себе онтологические основания художественной реальности романа.

Бытие Олега обнаруживает ряд подчиненных друг другу *антиномий*, пространственным выражением которых является, с одной стороны, «ледяное поднебесье» аскезы, с другой — «горячая, смрадно кипящая влага» жизни. Соответственно этим полюсам располагаются *антитезы*:

неподвижность — становление; антимузыкальность — погибание (т.е. согласие с духом музыки); сон — страдание; одиночество — дружба; «я», лишенное всех признаков, небытие личности — «я», включающее все признаки, всебытие личности. Последнюю отражают метаморфозы Олега в «Господина Никто». Вторая (после *Без-образова*) номинация безличности, посредством которой предпринимается попытка осмыслить личность — теперь не объектно, в форме философского понятия, а субъектно, в личном опыте — как и имя Аполлона, представляет собой *оксюморон* и может служить примером художественной конкретизации, соответствующей в романах Б. Поплавского уровням: антиномия — антитеза — оксюморон.

2. Вторая глава «Архитектоника романов Б. Поплавского» посвящена особенностям художественной структуры романного комплекса в целом и отдельных его частей. Сюжет романов определяет писательская концепция эсхатологического персонализма. Основное событие — символическая смерть героя — имеет значение инициации, посредством которой постигается трансцендентный опыт личности. Но если в первом романе главное действующее лицо, Аполлон Безобразов, представлено с внешней точки зрения, то дальнейшее эстетическое исследование личности обязывало автора определенным образом изменить романную форму и перейти от эпического повествования к лирическому изображению героя романа «Домой с небес».

В параграфе **2.1. «Композиция незавершенной трилогии Б. Поплавского»** развивается тезис о дуализме художественного мышления писателя и его поэтике оксюморона, характеризуются мифопоэтические детали сюжета, субъективное восприятие форм пространства-времени, на основании чего предпринимается попытка реконструировать композиционный замысел незавершенной трилогии.

Под оксюмороном понимается не только стилистический прием, а вообще заметная в творчестве Б. Поплавского тенденция к совмещению противоположностей. Неоднократно повторяющаяся в его произведениях

известная герметическая формула «все, что вверху, соответствует тому, что внизу» входит в поэтику романов в виде инверсии — взаимного изменения позиций содержательных элементов художественной структуры. Феномен отражения, свойственный этому процессу, проявляется в заглавии романов; в разнообразных сюжетных симметриях; в инверсии пространственных полюсов «верха» и «низа», неба и земли; в контрастном хронотопе романов.

В основе сюжетных схем «Аполлона Безобразова» и «Домой с небес» лежит инициатический сценарий обретения бессмертия. Смерть и воскресение, события, повторяющиеся в судьбах двух самых популярных мистериальных богов (Осириса и Диониса), в повествование проникают с отрицательным модусом: Аполлон не умирает и не перерождается, но пройденный им путь обратным образом повторяет этот мистериальный сюжет. Герой, который пытался преодолеть смерть, отказавшись от жизни, встречается со смертью, *переживает* смерть в момент убийства соперника.

Интерпретация Безобразовым притчи о воскресении Лазаря отражает его собственный опыт: чьей-то властью, более волящей, чем воля человека, он (как и Лазарь) насильно изъят из небытия и водворен обратно в жизнь. После разыгравшейся в горах драмы его существование мыслится как продолжающееся уже в постистории. Личный апокалипсический опыт героя связан не с выходом из реальности, а, напротив, с приближением к ней: имперсоналист Безобразов не смог «заснуть на кресте». На спекулятивную теорию иллюзорности мира, которую он исповедовал, начала влиять правда индивидуальной жизни.

В романе «Домой с небес» состояние души «в пути» меж двух полярных точек расценивается как наиболее естественная форма существования Олега²⁵. При этом образное оформление пространственной дихотомии в произведении свидетельствует о том, что рай перенесен на дно,

²⁵ Если на образ Аполлона Безобразова повлияло учение Ф. Ницше о Сверхчеловеке, то на образ Олега — философия Б. Паскаля: «Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все, он бесконечно далек от постижения крайностей, цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной. Равным образом — не способен понять небытие, из которого он извлечен, и бесконечность, которую он поглощается» (Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. — М.: Изд-во им. Сабашниковых. — С. 133).

в подземелье, в бездну, он существует совместно с ужасным и трагическим; небо же застыло в своей солнечной неподвижности — собственно, равнодушие и мертвенность неба и вынуждают героя предпринять путешествие «домой с небес», итогом которого становится переход в метаисторическое измерение.

В финале романа, проспав два дня (эквивалент смерти), преображенный герой просыпается воскресным (!) утром, но этот сюжет смерти-обновления Олега наделен не менее парадоксальным, чем в случае с Безобразовым, характером: противоречие живого опыта внутренне бесконечного «я» локализирующему смыслу смерти приводит к тому, что отрицает биографический слой образа, т.е. сама реальность, а личность принадлежит вечности.

Конфликт, который на примере своих героев пытается разрешить Б. Поплавский, вызван дилеммой: либо безличное бессмертие в Абсолюте (Аполлон), либо субстанциальное одиночество (Олег). Иная перспектива могла быть отражена в романе «Апокалипсис Терезы». Если предположить, что героиня аналогично Аполлону и Олегу переживает инициатический опыт смерти, то ненаписанная часть «трилогии» получила бы альтернативную двум первым романам эсхатологическую модель, близкую оригеновской идее апокатастасиса, разрешающей вселенскую драму восстановлением, возвращением всех вещей в прежнее состояние.

Мечтая о возвращении Люцифера «в небо со всеми тайнами преображенного горя и стыда», Тереза *оправдывает* отъединенность павшего духа, и если Аполлон (небытие) отрекается от личного бессмертия, то спасти его может только Тереза (жалость), подобно тому, как Сольвейг (одно из имен героини) спасает Пер Гюнта, главный грех которого состоял в том, что он не был самим собой. Жалость Терезы *свидетельствует* трагический смысл «вечно попираемой ценности»²⁶ отдельной человеческой души-ноты на фоне музыкального целого.

²⁶ Поплавский Б. Из дневников. 1928-1935 // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 3. — С. 451.

Движение к «всеобщему восстановлению», заданное в романах образом пирамиды света и тьмы, проявляется в светотеневой ритмике хронотопа. Картину метафизического контраста определяют три «материи», организующие пространство-время в прозе и поэзии Б. Поплавского: свет, вода (дождь) и звук. Эти «субстанции», интегрируя пространственную и временную протяженности, создают «атмосферу» — трансляцию повседневности в вечность.

Особую семантическую нагрузку имеет звук граммофона. В его символике общее настроение «заката Европы» усиливают эмигрантские впечатления: все в прошлом, все безвозвратно, и потому наступает минута какой-то сладкой братской обреченности. Граммофонный звук — это звук вечного завершения; он консервирует определенные временные пласты, заполняя их экстрактом бессмертия: это умирание, никогда не доходящее до смерти, как бы вибрация трансцендентного.

Феноменальное бытие героев проникнуто трансцендентностью в каждом «бессмертном закате», в каждой паузе, в каждом жесте. Метафизика повседневности, где время и вечность теряют свое оппозиционное значение, — один из устойчивых мотивов философствования Б. Поплавского.

В то же время образ граммофона в дилогии связан с размыканием индивидуальных границ, поэтому граммофонную музыку (знак существования постистории) можно рассматривать как метаобраз романов, объединенных развитием одной общей темы, кода которой должна была прозвучать в «Апокалипсисе Терезы» как «самая высокая нота», когда «вдруг какое-то небо раскрывается в глубине музыки и кто-то отвечает с неба, кто-то прижимает к сердцу и обещает возвратиться и уже никогда, никогда не расставаться»²⁷.

Сквозной мистериальный сюжет незавершенной трилогии, таким образом, связан с идеей воссоединения, возвращения, мистической встречи.

²⁷ Поплавский Б. Аполлон Безобразов // Поплавский Б. Собр. сочин. — Т. 2. — С. 159.

В параграфе 2.2 *«Повествовательные стратегии художественной прозы Б. Поплавского»* рассматривается неоднородность природы события и субъектных структур в романах «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», функционирование реплики и свойственные художественной прозе Б. Поплавского формы многоголосья.

В «Аполлоне Безобразове» сюжет определен эпическим типом события: диалог-спор, обнаруживающий мировоззренческие расхождения героев, и их дальнейшее движение, связанное с преодолением границы семантического поля, отделяющей «должное» от «запретного». Расстановка персонажей в художественном континууме романа осуществлена следующим образом: Аполлон — герой, подошедший к границе, но не пересекший ее, что стало главным событием повествования; Роберт — герой, совершающий безвозвратное движение в антиполе; Тереза — героиня, совершающая возвратное движение; Тихон и Аверозс — неподвижные персонажи, не покидающие границ одного поля; Васенька — герой, не принадлежащий какому-либо пространству, герой пути.

Во втором романе внимание сосредоточено на изменении состояний единственного героя, и основную роль здесь играют демаркационные линии этих состояний. Последовательное саморефлексивное «впитывание» Олегом опытов «земной» жизни и составляет сюжет романа, основанного на лирическом типе события, но совмещенного с типичным для романной эпики разделением планов рассказанного события и события рассказывания.

Трансформация художественной формы от одного романа к другому направлена на приближение к внутренней позиции автобиографического героя, хотя внешне ситуация обратная: повествование от первого лица в романе «Аполлон Безобразов» сменяет повествование от третьего лица в «Домой с небес». Иерархия авторских субъектов (персонаж, рассказчик, повествователь) создает релятивную структуру, обеспечивающую постоянное возрождение субъекта при перманентном объектном его изображении. Здесь задействованы как бы два встречных потока: с одной

стороны, внешнее удаление автора от героя, с другой стороны — планомерная интериоризация.

В первой части диалогии повествование ведется преимущественно с внутренней точки зрения. Даже когда используется внешняя точка зрения, повествователь стремится «подключиться» к сознанию героя. Субъективным видением наделены только подвижные персонажи (Васенька, Тереза, Роберт), но не главный действующий — Аполлон Безобразов — который, за исключением единственного фрагмента в романе, всегда дан с внешней точки зрения (прием остранения героя).

В романе «Домой с небес» субъектную организацию характеризуют солипсическая модальность (точка зрения во всех планах закреплена за единственным героем — Олегом); проекции «человека у зеркала»; дублирование акта рефлексии героя в авторском плане; формы косвенного представления субъекта; когерентность нескольких голосов.

Анализ «оргийного действия» в главе «Бал» и рассмотрение поэтики сна (вставной композиционный элемент в форме драмы во второй главе романа «Домой с небес»), позволили установить надындивидуальный субъект повествования — хор. Этот вид многоголосья следует считать одним из существенных признаков лирического романа. Хор выполняет функцию эстетического завершения внутреннего мира героя. Он противоположен одинокому голосу так же, как ритм одинокой аморфной душе героя.

Функционирование прямой речи в диалогии Б. Поплавского имеет свои особенности. Одиночная реплика почти вытеснила со страниц романов диалог. Заметно, что автор словно намеренно скрывает лицо говорящего. Реплики принадлежат не плотным образам; это голоса. Особое значение голос приобретает в финале романов, когда герой вдруг слышит «дивно-спокойное» пение небесного хора, «знакомый» напев народной песни, «дивно-знакомый» звук дождя, «прекрасно-спокойный» голос Безобразова. Завершение романов всегда сопровождает ритмически организованный

текст. Герой оказывается приобщенным некому сверхиндивидуальному началу.

Ритм проникает не только в прозаическую речь, но и в структуру произведения: ритмичная смена света и тени в хронотопе, ритмика сюжетных эпизодов, организация субъектной структуры: ритм (космос) vs душа, хор vs голос. В связи с этим следует отметить, во-первых, эстетическую значимость ритма как внеположенного момента по отношению к личности героя; во-вторых, его этическую значимость: ритм как преодоление межличностной отчужденности и онтологического одиночества, как форма взаимоотношений личности и Абсолюта.

В **Заключении** подведены итоги исследования и предложен краткий обзор полученных результатов.

В первой главе обосновывается основной тезис работы: в философской диалогии Б. Поплавского особым эстетическим образом решается проблема взаимоотношений личности и сверхличностного начала. Дифференциация типов мистической жизни выявляет конфессиональный «полифонизм» системы персонажей. В романе «Аполлон Безобразов» автор воссоздает специфику взаимоотношений личности с Божеством в разных культурно-религиозных традициях (Вера-Тереза — кармелитская мистика, ее отец — протестантство; аббат Гильденбрандт и Роберт Лекорню — герметический и модернизированный католицизм; Аверозс — европейский эзотерический рационализм; Тихон Богомилов — старообрядческий гностицизм), и именно эти взаимоотношения определяют принципы индивидуации характеров.

Субъективная религиозность, т.е. выход за пределы религиозной традиции, уникальность каждого мистического опыта — в этом основной признак подлинно индивидуального бытия в прозе Б. Поплавского.

Дальнейшая динамизация субъективности в романе «Домой с небес» приводит к тому, что образ-личность приобретает свойства абсолюта, становится *универсумом* художественного мира диалогии, объединяющим

множественность субъективных истин и отражающим противоречивый, текучий, становящийся характер бытия.

Формальное выражение антиномизм личности получает в негативных (апофатических) и оксюморонных характеристиках Олега. Подобный способ объективации героя обостряет напряженное противостояние сущего и ничто и обнажает метафизическую основу «романа с Богом», которому, по сути, и посвящена диалогия Б. Поплавского.

Проведенный во второй главе анализ поэтики заглавий, организации пространства и расстановки персонажей в художественном континууме позволяет заключить, что метафизическое путешествие Терезы, Аполлона и Васеньки-Олега в антитетичном пространстве «мертвого неба» и «живого ада» связано с преодолением оппозиции «личность — Абсолют». Пограничное состояние Безобразова, становление Васеньки-Олега и потенциальное движение Терезы — эти структурно-функциональные моменты определены композицией «трилогии» в целом.

Если в романе «Аполлон Безобразов» вполне отчетливы и сильны моменты романной эпики, то во второй части диалогии сюжет построен по иным законам, в основе которых лежит лирическое начало. Солипсическая модальность при многосубъектном повествовании задает ситуацию познания себя-как-другого; сюжетным событием становится акт рефлексии, разворачивающийся одновременно в двух планах (автора и героя); возникают особого рода отношения (когерентность) нескольких субъектов повествования, за счет чего артикулируется образ-личность героя романов Б. Поплавского.

Подводя итоги, можно сказать, что анализ художественных произведений Б. Поплавского позволяет значительно расширить контекстуальный диапазон исторических фактов, текстов, идей, оказавших влияние на мировоззрение младшего поколения писателей-эмигрантов; проследить путь религиозно-философских исканий Б. Поплавского с тем, чтобы воспринять его опыт как ценное свидетельство духовной жизни в

кризисную эпоху; раскрыть живой поэтический смысл его художественных произведений — что, в целом, даст возможность представить младоэмигрантскую литературу не арьергардом Серебряного века, а авангардным явлением некоторых тенденций в культуре XX столетия.

**По теме диссертации опубликованы следующие работы
в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ:**

1. *Галкина М.Ю.* Проблема имперсонализма в романной дилогии Б. Поплавского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2006. — № 3. — С. 90-93.
2. *Галкина М.Ю.* Незавершенная трилогия Б. Поплавского: попытка реконструкции композиционного замысла // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», 2010. — № 2. — С. 180-184.

в других изданиях:

3. *Галкина М.Ю.* О генезисе образа Аполлона Безобразова в романной дилогии Бориса Поплавского // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы Международной научной конференции / Под ред. С.В. Стацук. — Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2007. — Ч. 1. — С. 391-401.
4. *Галкина М.Ю.* О «демонизме» в романной дилогии Бориса Поплавского // Русское литературоведение на современном этапе: Материалы IV Международной конференции: В 2 т. — М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2007. — Т. 2. — С. 33-35.
5. *Галкина М.Ю.* Инобытие русского зарубежья: А. Гольдштейн о смерти Бориса Поплавского // Научный потенциал XXI века: Сборник статей Межвузовской конференции молодых ученых и студентов. В 2-х ч. — М., 2007. — Ч. 2. — С. 217-221.
6. *Галкина М.Ю.* Приемы поэтики Достоевского в художественной прозе Бориса Поплавского // Материалы Международного научного colloquium «Перспективы изучения истории культуры Российского Зарубежья»

{Сектор истории культуры Российского Зарубежья Российского института культурологи). [Электронный ресурс]: Сайт Российского института культурологии. URL: <http://www.riku.ru/coll/coll9.html> (дата публикации: апрель, 2007).

7. Галкина М.Ю. О смысле заглавия романа «Домой с небес» и его композиционной роли в романной дилогии Бориса Поплавского // Материалы XI Научной конференции «Феномен заглавия: Заглавие и интерпретация» (Редакция журнала Российского государственного гуманитарного университета «Вестник гуманитарной науки»). [Электронный ресурс]: Сайт Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://science.rggu.ru/article.html?id=66062> (дата публикации: 14.03.2008).
8. Галкина М.Ю. Некоторые аспекты философской проблематики прозы Бориса Поплавского // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен: Международный сборник научных статей / Под общ. ред. Н.М. Щединой. — М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2008. — С. 88-93.
9. Галкина М.Ю. Инобытие русского зарубежья. Роман-коллаж А. Вишневого «Перехваченные письма» // Русское зарубежье — духовный и культурный феномен... С. 225-231.
10. Галкина М.Ю. Борис Поплавский и мистика св. Иоанна Креста // Русская филология. 19: сборник научных работ молодых филологов. — Тарту: Tartu Ülikooli; Kijastus, 2008. — С. 119-122.
11. Галкина М.Ю. К вопросу об имперсонализме Бориса Поплавского // Литературоведческий журнал, 2008. — № 22. — С. 159-171.
12. Галкина М.Ю. Пирамида света и тьмы в романной прозе Б. Поплавского // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века. — М.: МГОУ, 2008. — Вып. 5: Литература русского зарубежья. — С. 69-73.

13. *Галкина М.Ю.* Пушкин в поколенческих манифестациях Б.Ю. Поплавского // Пушкин и мировая культура: материалы III Междунар. науч. конф., г. Минск, 21-22 апр. 2009 г.: В 2 ч. — Минск: РИВШ, 2009. — Ч. 2. — С. 26-32.
14. *Галкина М.Ю.* Спор о персонализме в культуре русского зарубежья: Н. Бердяев и Б. Поплавский // Материалы Всероссийской научной школы для молодых ученых: «Русская философия: истоки и современность». Сборник статей. — Белгород: ИПЦ «Политерра», 2009. — С. 42-45.
15. *Галкина М.Ю.* Мистический опыт в романной прозе Бориса Поплавского // Славянська література кантэксте сусветнай = Slavonic Literatures within the World Context: VII міжнар. навук. канф. 12 - 14 кастр. 2005 г., Мінск: зб. навук. арт. У 3 т. — Т. 2. — Мінск: РИВШ, 2010. — С. 191-196.

Подписано в печать: 30.12.2010

Заказ № 4798 Тираж - 120 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru

